

A detailed oil painting portrait of Ivan Nikolaevich Kramskoy. He is depicted from the chest up, wearing a dark, textured coat over a white shirt and a dark cravat. He has long, dark, wavy hair and a full, dark beard and mustache. His expression is serious and contemplative, looking slightly to the right of the viewer. The background is a dark, neutral tone.

В. Н. Катасонов

Иван Николаевич
Крамской

Религиозная драма художника

Владимир Катасонов

**Иван Николаевич Крамской.
Религиозная драма художника**

Торговый Дом "Познание"

2022

УДК 75.03-23/28
ББК 85

Катасонов В. Н.

Иван Николаевич Крамской. Религиозная драма художника /
В. Н. Катасонов — Торговый Дом "Познание", 2022

ISBN 978-5-6044877-2-3

Русские художники, названные «передвижниками», поражающие разнообразием талантов, форм и тем своего творчества, на протяжении двух-трех десятилетий создали современную русскую живопись. Они были очень разными, но все так или иначе отмечены духом своего времени... Духом откровения свободы и ее трагических противоречий, духом ответственного и высокого понимания значения искусства, духом поиска новых путей для России... И в особенности, конечно, их идеолог — Иван Николаевич Крамской.

УДК 75.03-23/28

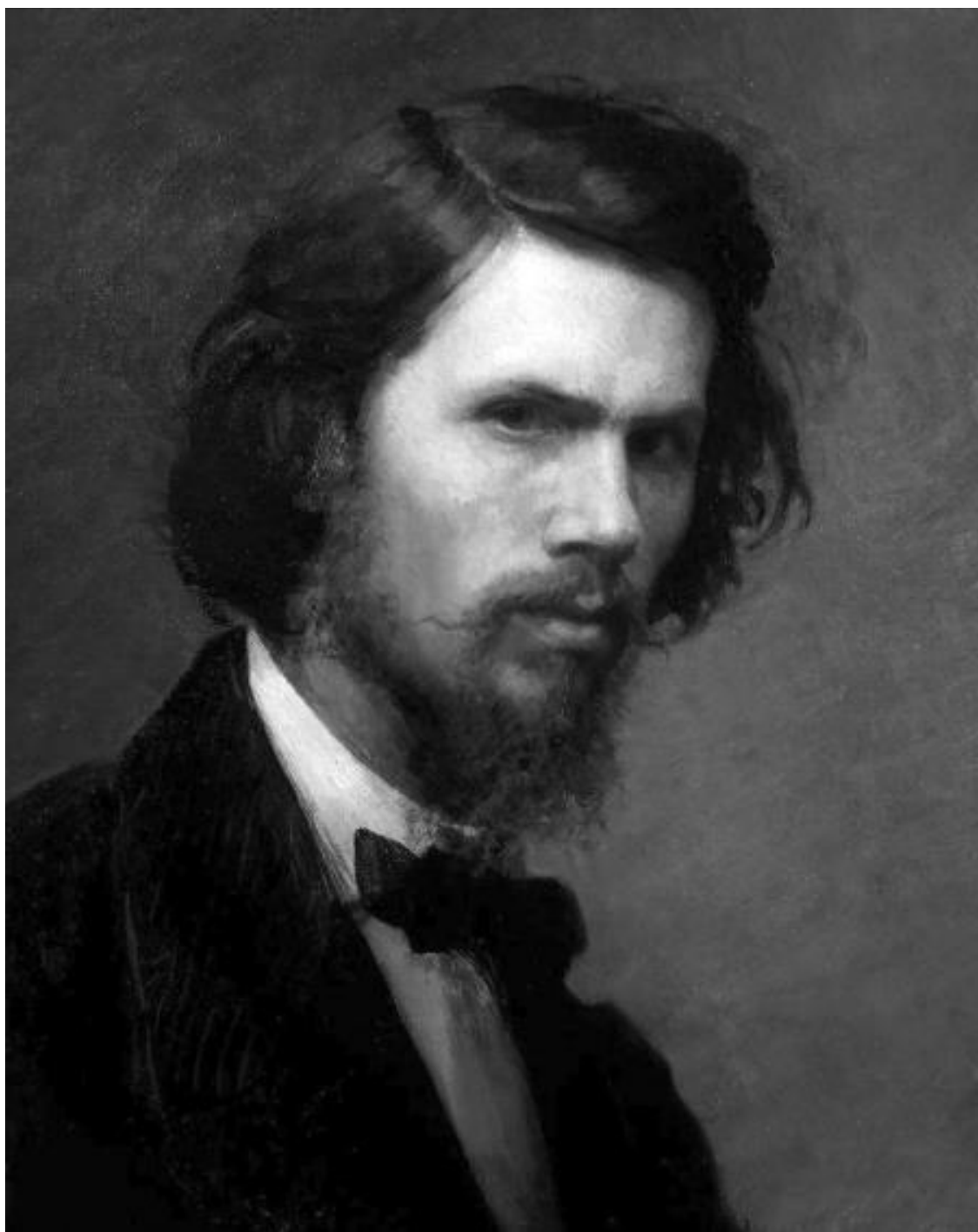
ББК 85

ISBN 978-5-6044877-2-3

© Катасонов В. Н., 2022
© Торговый Дом "Познание", 2022

Содержание

Часть I	11
«Обстановочка»: о философии искусства	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Катасонов
Иван Николаевич Крамской.
Религиозная драма художника

«Художник – это пророк, открывающий истину людям своими творениями».

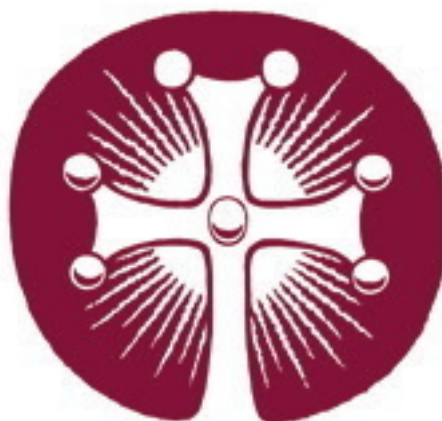
И. Н. Крамской

Моей жене Даше,

архитектору нашей семьи, посвящаю.

ДОПУЩЕНО К РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р22-202-0026

ПОЗНАНИЕ

© Катасонов В. Н., 2022

© Издательский дом «Познание», оформление, 2022

Работа ретушера. Фото нач. XX в.

Часть I Дерзкое название

«Обстановочка»: о философии искусства

Передвижники... Поражает это цветение русских талантов, на протяжении двух-трех десятилетий создавших современную русскую живопись. Все они очень разные: И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. Д. Поленов, Ф. А. Васильев, Н. Н. Ге... Но все так или иначе отмечены духом своего времени – духом откровения свободы, ее трагических противоречий, духом ответственного и высокого понимания значения искусства, духом поиска новых путей для России. И в особенности, конечно, все это было свойственно идеологу передвижничества – Ивану Николаевичу Крамскому.

Иван Николаевич Крамской родился 27 мая 1837 года в уездном городе Острогожске Воронежской губернии, в семье, приписанной к местному мещанству.

Когда ему было 12 лет, он лишился отца, который, по его воспоминаниям, служил в Городской думе. Образование Крамской получил в Острогожском уездном училище, которое окончил с отличием. Очень рано проявился у мальчика интерес к живописи, и он постоянно просил мать и старшего брата приобретать ему карандаши и бумагу для рисования. Мать пыталась пристроить сына в учение к знакомому иконописцу, но суровое обращение последнего со своим подмастерьем пришлось Ване не по нраву. В 16 лет Крамской нанялся ретушером к харьковскому фотографу и три года колесил с ним по югу России. К 20 годам желание учиться на художника уже полностью созрело, и Крамской приехал в Петербург и поступил в Императорскую Академию художеств.

Острогожск. Фото XIX в.

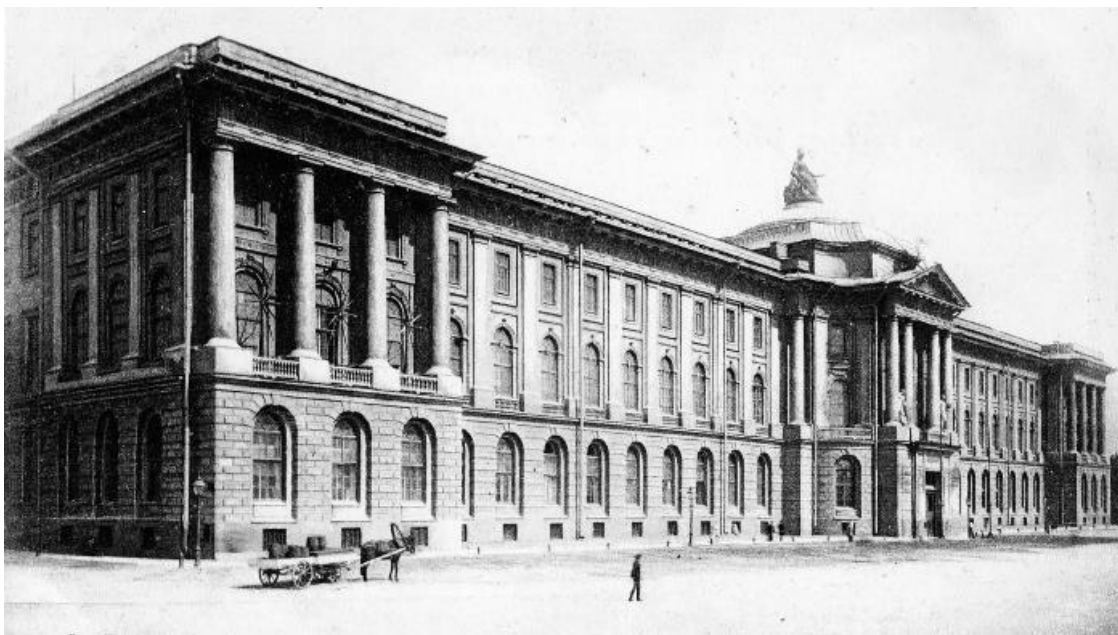
Жизнь его в Петербурге была нелегкой, ему приходилось самому зарабатывать на хлеб насущный.

Церковь Рождества Богородицы, Острогожск. Фото нач. XX в.

Сначала это было мастерство ретушера, в котором он достиг уже совершенства, а позже – портреты на заказ. В этот же период, на рубеже 1850-60-х годов, созрели и основные мировоззренческие ориентиры Крамского. Время больших общественных реформ, еще больших демо-

кратических ожиданий, студенческих бунтов, террористических акций жестоких правительственных репрессий – все это ложилось на сердце художника, служило предметом глубоких раздумий. Идеи реформ и свободы носились в воздухе. В это же время Иван Николаевич очень много читает – в основном, переводную литературу и журналистику. Поэтому неудивительно, что ко времени окончания обучения Крамской примкнул к другим 14 выпускникам Академии, которые оспаривали правила проведения выпускного экзамена. Не получив диплома, протестующие вышли из Академии и вскоре создали автономную художественную артель, к которой присоединились и другие художники.

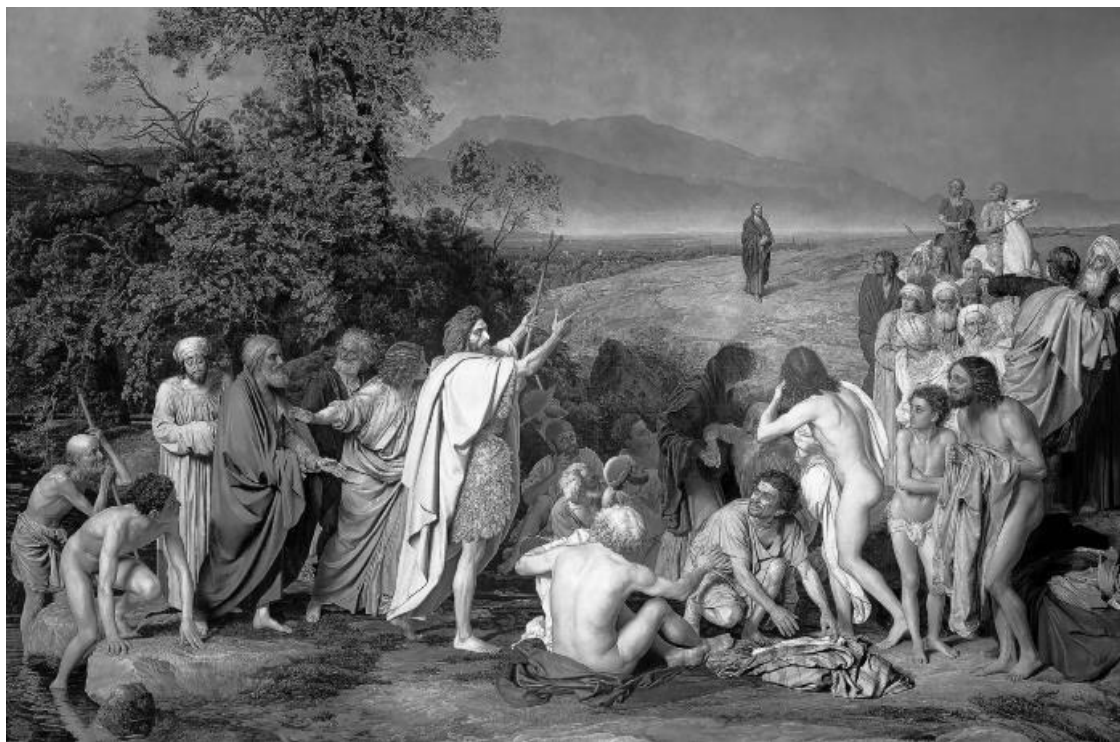

Императорская Академия художеств. Фото XIX в.

Крамской никогда не воспринимал свою деятельность живописца как ремесло. Сам «Бунт 14», в котором Крамской играл роль «застрельщика», был не просто протестом против устаревших форм педагогики в Академии (1863)¹, но и запросом на серьезность сюжетов картин, в особенности исторического жанра. Будущие передвижники заявляли, что неправильно использовать историю как простой «полигон» для демонстрации изобразительной техники конкурсантов. У истории есть свой смысл, свои ценности и святыни, и, если все это не должно касаться художника, если главное, что от него требуется, – показать отточенность живописного мастерства, – то такая «историческая картина» не только бессмысленна, но даже и безнравственна!.. Если художник должен как бы отказаться от своего сердца, от своей любви и склонности, и... то как же тогда он может создать историческую картину? Ведь она будет вырвана из жизни человеческой души?.. В этом был пафос «четыренадцати». Но еще за пять лет до открытого протеста в рукописи «Взгляд на историческую живопись» Крамской, которому тогда было всего 21 год и который только начал учиться в Академии, пишет о своем понимании отношения художника к истории: «Настоящему художнику предстоит громадный труд – закричать миру громко, во всеуслышание, все то, что скажет о нем история, поставить перед лицом людей зеркало, от которого бы сердце их забило тревогу, и заставить каждого сказать, что он увидит там свой портрет, и тот только будет истинным историческим художником, кто, оставшись верным

¹ С самого начала должен заявить, что я не пишу здесь биографию художника, я обсуждаю вопросы духовного самоопределения И. Н. Крамского и отражение в его живописи. Кто интересуется деталями биографии художника, тому следует обратиться к соответствующей литературе.

своему идеалу и началу всего изящного в природе, покажет расстояние, отделяющее начало от его проявления»².

А. А. Иванов. **Явление Христа народу**

Художник должен быть верен идеалу. Для этого он его должен иметь. Текст, из которого взята цитата, написан сразу после смерти А. А. Иванова, которая потрясла молодого Крамского. Иванов 20 лет работал за границей над своей монументальной картиной «Явление Христа народу», с трудом перевез ее в Россию, с трудом добился ее экспозиции и... встретил холодное непонимание со стороны профессионалов и публики. Через несколько месяцев он умер. Крамской очень точно определяет причины произошедшей трагедии. Иванов не хотел видеть в своем произведении просто «картину на евангельский сюжет». Тоги, сандалии, драпировки, археологическая утварь не были для него главным в картине. Иванов хотел от имени евангельского идеала, от имени Христа напрямую обратиться к своему современнику. Исторический антураж картины был только поводом. И эта попытка потерпела неудачу. Почему? Крамской видит это очень ясно: «Руководители искусства не нашли в ней творчества, композиции и объявили вещь плохой и несогласной с законами исторической живописи! А публика? А публика живет другой жизнью, жизнью Фауста, и в ней нет уже тех элементов, из которых вылилась эта картина, – она утратила веру, она погружена в свои ученые результаты, она гордится своим знанием, она поклоняется иному богу, и ей ли слушать слова пророков, когда она им уже не верит, ей ли вслушиваться в слова Спасителя, когда она уже их взвесила и отвела место Ему между гениями земли? Нет, она уже не может увлекаться этим, она переросла этот период! И вот участь этого произведения решена, а с нею вместе и участь художника – творца ее. И он умер. Да он и не мог жить одной головой, без участия сердца, – ему надобна жизнь полная,

---

² Крамской И. Н. Взгляд на историческую живопись // Иван Николаевич Крамской: Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837–1887. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. – С. 581.

человеческая. А чем же он будет дышать, когда элемент питания сердца был отнят у него, как только он стал лицом к лицу с действительностью?..»³

Публика живет жизнью Фауста, т. е. жизнью новоевропейской капиталистической цивилизации, жизнью науки и верой в прогресс. Как ни трагично в этой ситуации положение художника, но настоящий исторический художник, согласно молодому Крамскому, должен сохранять мужество, напоминая людям об идеале. «Хотя и жаль, и грустно расстаться с образцами древних, – художник должен пожертвовать своей любовью для любви к людям. Он должен расстаться с ними потому, что вечная красота, которой поклонялись древние художники, невидима между людьми и что с этой вечной красотой дерзкая пылкость и самопоклонение сорвали покрывало, под которым она жила между нами; сорвали покрывало с религии, бытия мира сего и не нашли под ним ничего»⁴.

Артель художников. 1863 г.

Вечная Божественная красота жила под покрывалом религии, т. е. под покровом христианства. Покрывало религии сорвали, под ним ничего нет... Но художник, истинный исторический художник, «оставшийся верным своему идеалу и началу всего изящного в природе», должен неустанно напоминать современнику об этом идеале, о Божественной красоте, которой питалась живопись и жизнь прошлых – христианских! – веков... За религией ничего нет, но есть Божественная красота христианского идеала. Художник, говорит Крамской, может хранить в себе верность этому идеалу, этой красоте. Но есть ли доступ к такому идеалу без религии?.. Здесь, в небольшом неопубликованном тексте молодого Крамского, в напряжении неразрешенного противоречия, как в зародыше, уже таится вся будущая драма художника...

«Публика утратила веру», – пишет Крамской. А художник?.. Осталась ли у самого Крамского вера во Христа Спасителя, вера, в которой он был воспитан и которой жил его народ? Тот самый народ, которому Иван Николаевич хотел служить?.. Годы мужания, становления взглядов художника – профессиональных и мировоззренческих – были годами больших общественных изменений в России. Отмена крепостного права в 1861 году коснулась не только крестьян и землевладельцев. Она привела в движение абсолютно все слои населения, заново поставила и заставила решать множество вопросов экономической, политической и культур-

³ Крамской И. Н. Взгляд на историческую живопись // Иван Николаевич Крамской: Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837–1887. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. – С. 580.

⁴ Там же. С. 581.

ной жизни. Перед многими молодыми людьми по-новому встал вопрос духовного самоопределения. У Крамского был свой путь.

Отказавшись от конкурса на первую золотую медаль, Крамской вместе с товарищами создал в ноябре 1863 года Артель художников – с общим помещением, столом, общим бюджетом⁵. Причем артель была не просто совместным экономическим и культурным предприятием.

Создатели ее вдохновлялись новыми идеями, народничеством, столь популярным тогда в среде разночинной интеллигенции. Именно в 1863 году в журнале «Современник» был напечатан написанный в тюрьме роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Идеи романа стали своеобразным манифестом для молодых людей того времени. Организованная на кооперативных началах швейная мастерская героини романа Веры Павловны послужила образцом для многих подобных объединений. Как и в романе, такие сообщества преследовали не только финансовые цели, но и служили выражением определенной идеологии: идеологии «свободных» людей, живущих своим трудом, на «разумных основаниях» устраивающих свою жизнь. Для Крамского, воспитанного на статьях «Современника» и «Отечественных записок», на работах Н. А. Добролюбова и В. Г. Белинского, эта идеология была руководством к действию. В жизни артели ярко проявились организационные способности Крамского. «С основания Артели художников, – пишет в своих воспоминаниях И. Е. Репин, – Крамской был старшиной Артели и вел все ее дела»⁶. Здесь же возрастали его талант рисовальщика и портретиста.

Но не только художественное мастерство оттачивалось в работе по заказам, в карандашных набросках, в постоянных взаимных обсуждениях работ и проблем живописи в целом. На артельных «четвергах» читали статьи из русской и зарубежной периодики, обсуждали актуальные вопросы политики и философии. Здесь вспыхивали горячие споры о судьбе пореформенной России, о социализме. Не получившие высшего образования разночинцы, такие, как и сам Крамской, приобщались к современной им западной мысли, вместе с отечественной революционно-демократической идеологией впитывали в себя если не букву, то дух секулярной европейской культуры. «И здесь, в общей зале мастерской художников, кипели такие же оживленные толки и споры по поводу всевозможных общественных явлений. Прочитывались запоем новые трескучие статьи: “Эстетические отношения искусства к действительности” Чернышевского, “Разрушение эстетики” Писарева, “Искусство” Прудона, “Пушкин и Белинский”, “Кисейная барышня” Писарева, “Образование человеческого характера” Оуена, Бокль, Дрейер, Фохт, Молешот, Бюхнер и многое другое», – вспоминает об этом замечательном времени своей юности Репин⁷.

---

⁵ Биографические данные о художнике можно найти, в частности, в работах: *Стасов В. В.* Иван Николаевич Крамской. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1887; *Гольдштейн С. Н.* Крамской. Жизнь и творчество. 1837–1887. – М.: «Искусство», 1965.

⁶ *Репин И. Е.* Далекое близкое. СПб.: «Азбука», 2020. – С. 207.

⁷ Там же. С. 216.

Иван Крамской. 1865 г.

Однако к концу 60-х годов Артель как форма независимой организации художников уже изжила себя. Совместно с московскими художниками активные члены Артели создали в 1870 году Товарищество передвижных художественных выставок. В своем уставе Товарищество сознательно заявляло цели развития в народе любви к искусству и пропаганды отечественного искусства. «И в большей мере именно Крамскому, человеку твердых принципов и убеждений, Товарищество передвижных художественных выставок было обязано тем, что оно переросло задачи собственно выставочной деятельности и стало идейной школой передового

русского искусства. Крамской же, руководя творческой и организационной жизнью Товарищества, сам нашел в нем ту среду, которой он, в свою очередь, был обязан своими наиболее высокими художественными достижениями», – справедливо пишет С. А. Гольдштейн в своей монографии о Крамском⁸. Не только пропаганде русского искусства, не только художественному просвещению народа, не только решению экономических проблем художников должно было служить Товарищество согласно стремлениям Крамского. В общении художников для него всегда было важно и обсуждение мировоззренческих вопросов, и их отражения в судьбе искусства. Крамской был обеспокоен этим всегда. И позже, уже будучи признанным маэстро, он все время искал возможности организовать «клуб единомышленников». Так, в 1877 году Крамской пишет Репину об «обстановочке», которую «хотелось бы организовать»: «Я говорю об обстановочке вот какой: хорошо, если бы был, знаете, этакый центр, т. е. не центр, куда сходиться, а *центр умственный*, вроде каких-либо очень широких принципов, которые бы все признавали, прилагать которые на практике, в творчестве, было бы сердечной потребностью каждого из нас, словом, *нечто вроде философской системы в искусстве, религии там, что ли [!!! – В. К.],* ясно и талантливо сформулированной каким-нибудь писателем, и чтобы каждый из нас, где бы ни находился, какие бы рожи его ни окружали, но чтоб он чувствовал, что где-то там, в другом месте, другой такой же, как и я, стремится к тому же, работает в том же направлении, хотя и все разное. Это удесятерит силы человека и держит постоянно на высоте тех задач, которые одни оправдывают специальность... Ну, словом, эта штука вам во мне уже знакомая, я на этом коньке могу забраться очень далеко, а потому... а потому можно было бы быть благоразумнее и остановиться (курсив мой. – В. К.)»⁹. В этом – весь Крамской-мыслитель, для которого жизнь в искусстве есть не просто ремесло, а служение истине, поиск истины, истины всеобъемлющей, без отражения которой в искусстве даже и само искусство, которому отдается вся жизнь, может быть, не так важно. Крамской-идеолог, Крамской-организатор: эту философскую систему искусства, однажды сформулированную, нужно донести до других художников, преподавать ее, ибо истина есть сила – она удесятерит человеческие силы, помогает выстоять в борьбе против пошлости и безыдейности мира и своей убежденностью подобна религии...

Мечта о философии искусства, «религии искусства», объединяющей художников-адептов в своеобразную «церковь», неотделима от Крамского. Но, как ни дорога ему эта греза, его трезвый аналитический ум видит ее утопичность. Потому что все люди очень разные, что нередко оборачивается трагическим напряжением между ними, пусть порой и глубоко запрятанным. Поэтому «можно было бы быть благоразумнее и остановиться...» Такое заключение в письме к Репину совсем не случайно. Крамской всегда помнит о расхождениях своих представлений со взглядами ученика. Но Репина Иван Николаевич искренне любил и «не хотел обострять».

⁸ Гольдштейн С. Н. Крамской. Жизнь и творчество. 1837–1887. – М.: «Искусство», 1965. – С. 78

⁹ И. Н. Крамской – И. Е. Репину. 26 декабря 1877. // Переписка И. Н. Крамского. Т. 2: Письма художникам. М.: «Искусство», 1954. – С. 356.

И. Репин. **Парижское кафе.** 1875 г.

Приведем несколько примеров расхождений художников, иллюстрирующих позицию обоих. Репин, получивший по окончании в 1872 году Академии художеств стипендию для продолжения образования в Европе, был очарован Парижем и свежими веяниями в изобразительном искусстве, в частности, нарождающимся импрессионизмом. Вдохновленный новым опытом жизни и искусства, он пишет картину «Парижское кафе» и выставляет ее на Парижском салоне живописи в 1875 году.

И. Репин. **Бурлаки на Волге.** 1873 г.

Там картина не имела успеха, а уж на родине ее даже жестко критиковали, и не столько за живопись, сколько за сюжет. В частности, для Крамского эта работа стала поводом поговорить о народности искусства. После оглушительного успеха «Бурлаков на Волге» Репин для Крамского – художник русской жизни в самой своей «сермяжной» истине, и вдруг – парижское кафе с кокотками!.. «Я одного не понимаю, – пишет Иван Николаевич ученику, – как могло случиться, что Вы это писали? Неправда ли, нахальный приступ? Ничего, чем больше уважаешь и любишь человека, тем обязательно сказать прямо. Я думал, что у Вас сидит совершенно окрепшее убеждение относительно главных положений искусства, его средств и специально народная струна. Что ни говорите, а *искусство не наука, оно только тогда сильно, когда национально*. Вы скажете, а общечеловеческое? Да, но ведь оно, это общечеловеческое, пробивается в искусстве только сквозь национальную форму, а если и есть космополитические, международные мотивы, то они все лежат далеко в древности, от которой все народы одинаково далеко отстоят, это раз, да кроме того, они тем удобны, что их всякий обрабатывает на свой манер, не боясь быть уличенным. Что касается теперь текущей жизни, то человек, у которого течет в жилах хохлацкая кровь, наиболее способен (потому что понимает это без усилий) изобразить тяжелый, крепкий и почти дикий организм, а уж никак не кокоток. Я не скажу, чтобы это не был сюжет, еще какой! Только не для нас; нужно с колыбели слушать шансонетки, нужно, чтобы несколько поколений раньше нашего появления на свет упражнялись в проделывании разных штук, словом, надо быть французом. Короче, искусство до такой степени заключается в форме, что только от этой формы зависит и идея»¹⁰. Репин, «у которого в жилах течет хохлацкая кровь», бурно выражает свое несогласие: «Коснемся теперь “относительно главных положений искусства, его средств”, этого вопроса действительно можно только касаться в разное время, так как это самые неположительные и переменчивые явления <...> Средства искусства еще более скоропреходящи и еще более зависят от темперамента каждого художника... Как же тут установить “главные положения искусства, его средства”; не говоря уже для других, сами мы иногда бросаем завтра, как негодное, то, чему вчера еще предавались с таким жаром, с таким восторгом. И почему это человек, у которого в жилах течет хохлацкая кровь, должен изображать только дикие организмы?! (“потому что понимает это без усилий”. – Да почему бы ему и не понатужиться иной раз, чтобы сделать то, что он хочет, что его поразило?) “Специально народная струна!” Да разве она зависит от сюжета? Если она есть в субъекте, то он выразит ее во всем, за что бы он не принялся; он от нее уж не властен отделаться, и его картина Парижа будет с точки зрения хохла; и незачем ему с колыбели слушать шансонетки и быть непременно французом; тогда была бы уже другая картина, другая песня; короче, “от этой формы зависит и идея”»¹¹. В этом же письме Репин с горечью критикует представления о русской самобытности, которые столь часто остаются только недоовоплощенными мечтаниями, – «восточный сон, в котором спит и грезит много русских». Меркантильная Европа, считает он, отрезвляет художника от этого «гашиша» мечтательности: «...Возникает трезвая, холодная критика ума и неумолимо требует судить только сравнением, только чистоганом, – товар лицом подавай, бредни в сторону, обещаниям не верят, а считается только наличный капитал... Увы! Мы все прокурили на одуряющий кальян; что есть, все это бедно, слабо, неумело; мысль наша, гигантски возбужденная благородным кальяном, не выразилась и одной сотой, она непонятна и смешна... сравнения не выдерживает.<...> Действительно, у нас есть еще будущее: нам предстоит еще дойти до понимания тех результатов, которые уже давным-давно изобретены европейцами и поставлены напоказ всем»¹².

¹⁰ И. Н. Крамской – И. Е. Репину. 20 августа 1875 // Переписка И. Н. Крамского. Т. 2... С. 341–342. – [Курсив мой. – В. К.].

¹¹ И. Е. Репин – И. Н. Крамскому. 29 августа 1875 // Там же. С. 344.

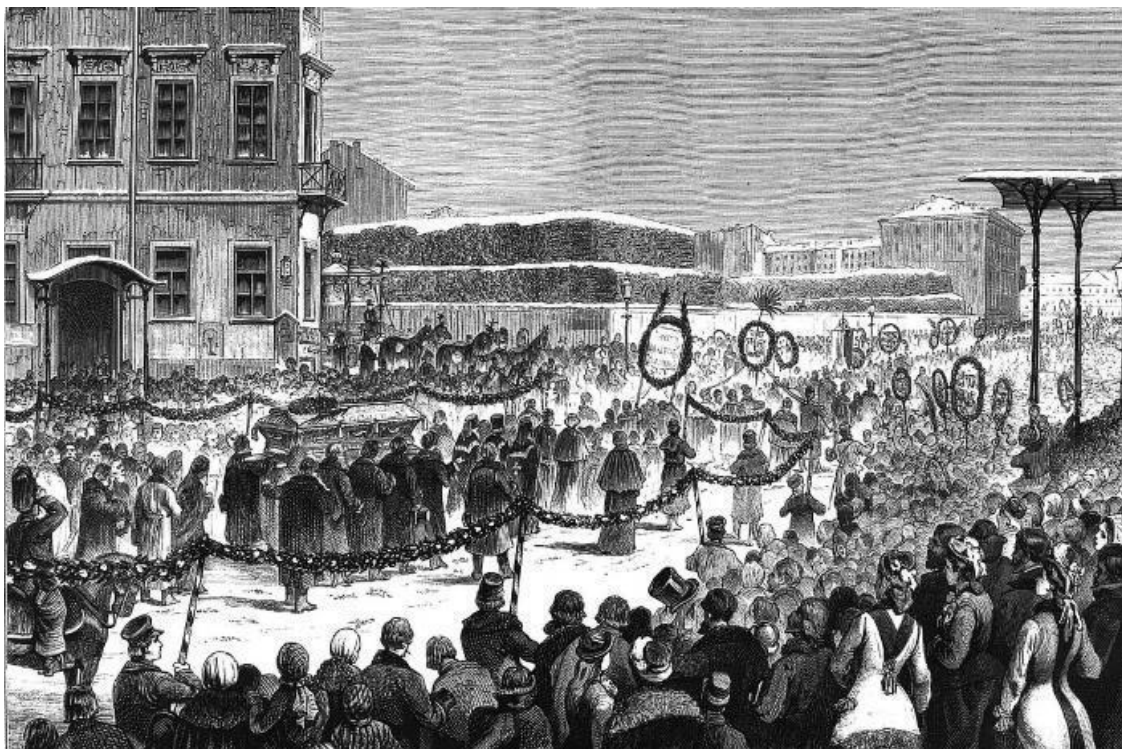
¹² Там же. С. 343–344.

В ответ на эту либеральную прозападническую позицию Крамской в следующем письме опять возвращается к мысли о духовных законах творчества. Природу не обманешь: человек, художник есть не только дух, но и плоть, и его кровная связь со своей землей, с народом, его породившим, – существеннейший фактор в искусстве. «Тут нельзя сказать: люблю или нет, хочется или нет, а они, эти проклятые законы, существуют помимо моего и Вашего личного вкуса и темперамента. С ними приходится ведаться всю жизнь: не сумел им подчиниться – погиб, а поскольку каждый из нас в состоянии их понять и свободно подчиниться им, – настолько долговечен; хотя темперамент и вкус играют роль проводников – телеграфных проволок, но только проводников – ни больше, ни меньше. Это неприятно – согласен, мешает своеволию – более того, согласен, это, наконец, надоедает, чёрт побери, как старая богомольная старуха, – верно, – а они, законы эти, все-таки есть, были и будут. И тут нет противоречия, несмотря на то, что я в первом письме поставил смысл картины в зависимость от характера человека, и не только от характера, но и от нации. Вы говорите, что теперь уже не так велика разница между нациями – будто? В городах это, пожалуй, верно, а если взять массу, миллионы, то... призадумайтесь решить. Не согласны? Жаль, а мне позвольте остаться при своем»¹³. Свою собственную национальную ориентацию Крамской высказывает очень определенно: «Относительно же слабости воображать себя народом, имеющим будущность, можно только сказать, что мысли подобного сорта не наносят обиды Западу! Вы скажете – но самообольщают нас; может быть, тут и правда есть, даже наверное; но что делать, когда молодая особь начинает сознавать в себе некоторые склонности, отличительные от других себе подобных; в том, что я думаю, что русские внесут некоторую долю в общее достояние и что теперь очередь за ними, нет никакого противоречия с логикой вещей. Вы видите из этого, что я принадлежу к партии славянофилов, блаженной памяти; но это не беда. До сих пор это не мешало еще мне смотреть в оба, а не спать. Вы смотрите на это иными глазами. Вам это кажется грезами и одуряющим гашишем – зависит от природы: на одного мысли эти действуют усыпляющим образом, на другого обратно – он становится еще внимательнее, сознавая ответственность перед самим собою, еще строже он работает и думает...»¹⁴

---

¹³ И. Н. Крамской – И. Е. Репину. 10 сентября 1875 // Переписка И. Н. Крамского. Т. 2... С. 347–348.

¹⁴ И. Н. Крамской – И. Е. Репину. 10 сентября 1875 // Переписка И. Н. Крамского. Т. 2... С. 347.

Похороны Достоевского. Гравюра. XIX в.

Эта полемика между двумя большими художниками России длилась до самой кончины Крамского, то явно, то скрыто, порой выходя на поверхность и обнаруживаясь в резких выпадах, порой смягчаясь благодаря пассажирам, демонстрирующим взаимное уважение.

В январе 1881 года умер Ф. М. Достоевский. Крамской сделал монохромный портрет умершего. Гроб писателя несли на руках. Похороны собрали цвет российской интеллигенции. Репин, не присутствовавший там, писал Крамскому: «Вчера Павел Михайлович рассказывал подробности похорон. О перенесении я слышал раньше, в воскресенье Елизавета Григорьевна Мамонтова была, рассказывала. Да, это событие в русской жизни замечательное. Я более всего восхищаюсь тем, что Россия начинает жить жизнью интеллектуальной. Сознательно ценит проявления собственной жизни и горячо, задушевно к ним относится, уже не как холопы, с вечным раболепием только перед высокопоставленными властями, а как свободные граждане, отдающие дань заслуженному члену, этому великому страстотерпцу Федору...»¹⁵

---

¹⁵ И. Е. Репин – И. Н. Крамскому. 4 февраля 1881 // Переписка И. Н. Крамского. Т. 2... С. 402.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.